

Безликие рубежи

Молочные реки, кисельные берега – усмехнулся Альп, сминая податливую плоть тумана.

Здесь повсюду было так: зыбкая белая кисея обступала со всех сторон, льнула к плечам и заменяла собой небо.

Должна же она где-то заканчиваться?.. Вечный, въевшийся в душу азарт исследователя щекотал подреберье, заставляя кроить шагами это богом забытое место. В поисках границ или выхода. Вдоль и поперек. Дальше от центра, еще немного дальше – покуда позволял тикающий в висках таймер.

Иногда Альпу попадались такие же неприкаянные одиночки, как и он сам, – здесь не было принято сбиваться в стаи. Здесь не было принято протягивать руку при встрече, хлопать по плечу и делиться воспоминаниями; каждый держался особняком, ревниво оберегая обрезки прошлого, подаренные цепью. Словно память, пролитая в слова, могла перестать быть собой. Альп ощущал это – в воздухе, в колыхании туманного полотна – и тоже молчал. Хранил свои осколки.

Обжигающе синее, прозрачное небо. Обжигающе белый снег. Воздух пахнет хрусталем и музыкой.

Это горы. Самая большая – единственная? – любовь его жизни. Ты можешь думать, что покоряешь вершину, на самом деле – вершины покоряют тебя. Альп принадлежит им давно.

Нащупать ногой выбоину, распластаться, ощутить слабое колебание страховочного троса.

Ветер становится злее, хлещет по лицу. Ревнует. Неприступные пики – его колыбель, и он не рад чужаку.

Восхождение – это всегда вызов. Вершине, миру, самому себе.

Еще на фут выше. Теперь нужно дотянуться до уступа.

Мышцы напряжены до предела, немеют пальцы, стиснувшие выступающий камень.

Выдохнуть.

Перед глазами змеится трещина, Альп машинально отмечает ее, перенося вес тела на руки, подтягиваясь к очередному рубежу.

Пальцы соскальзывают.

Он еще успевает увидеть обжигающе синее, прозрачное...

Тишина смыкалась там, куда не проникал взор, чуть дальше, чем доставала вытянутая рука. Там он не смог дотянуться однажды, здесь – всегда.

Если кто-то закричит за этим личным горизонтом – не услышишь.

Тронутый ржавчиной железный столб вынырнул внезапно, будто норовя ударить. Альп вовремя остановился – и ритмичное тиканье прерывистой линией подчеркнуло безмолвие, лишь только взгляд коснулся циферблата.

Половина третьего, отметил он.

Нужно было постоять тут немного, чтобы почувствовать, как течет время. Чтобы поверить, что время все еще существует, что оно не просто бесстрастный счетчик, запертый в голове.

Стрелка вздрагивала, летела, осыпаясь секундами.

Альп наслаждался жизнью циферблата две с половиной минуты, потом отвел глаза и пошел дальше, обогнув столб.

Часы за его спиной онемели – только неутомимый таймер продолжал пересчитывать мгновения.

Понемногу натягивался незримый трос – терпеливый, бесконечно упругий, неразрывный своей добровольностью. Золото молчания и серебро тумана были бесценны – то есть не стоили ничего. Как и все богатства мира, будь они здесь... Единственная валюта – крохи времени возле угрюмо впившегося в землю крюка. Бесплезная валюта – нечего предложить взамен.

Пустота под ребрами окатывала волнами холода. Становилась невыносимой – он так и не смог привыкнуть, что сердце больше не бьется.

Еще несколько шагов, убивающих веру, и отчетливое понимание – пора. Может, в следующий раз удастся пройти дальше, но сейчас...

Сейчас пришла пора вернуться, чтобы получить горсть янтаря. Или мятной тающей карамели. Или мелких острых камушков из детства, больно ранящих ступни.

Никогда не знаешь, каким станет следующий подарок цепи.

У знакомых часов Альп не задержался, лишь приветствовал коротким кивком. Стрелки откликнулись на него, ожив. Встрепенулись, переступили деление – 14:33. И вновь уснули в тумане безвременья.

Мерно, не торопясь, он шел назад.

Мгла поредела. Единственное место, где можно видеть дальше. Можно видеть огромный стальной изгиб, пронзивший острием камень. Толстая, как рука, цепь уходила высоко вверх, пока не съедалась туманом. Леска гигантской удочки подрагивала, подрагивала всегда, потому что возле нее всегда кто-то есть.

Три шага вверх – небольшая площадка, как раз удобно стоять одному, положив руку на основание цепи. Здесь все удобно делать одному. Прямо рай?

Жаль, никто не оценит иронии.

И уж подавно – тот, кто шагнул навстречу. Как в зеркале – одинаково беглые взгляды, одинаковые инстинктивные движения в противоположные стороны.

Тишина.

Как в горах, где все, способное издавать звуки, остается внизу – кроме зоркого и ревнивого ветра, который следит за тобой и норовит сбросить. Только здесь и ветра-то нет.

Альп поднимался нарочито медленно, словно оттягивая момент. В вязкой плавности движений почти растворилось тревожное предвкушение, и ладонь коснулась холодного металла, не дрогнув.

Онемение сотней ледяных игл тронуло пальцы и потекло выше. Плечо, ключица, гортань – морозная отравка опутывала тело, делая его непослушным, ломким, почти прозрачным, словно замерзшее стекло. И время, звенящее под кожей, застыло, а после взорвалось прошлым – таким же ломким, колючим и замерзшим.

Ветер хлещет по лицу, пересыпает снег. Норовит растрепать, вырвать, превратить в развевающиеся флаги брезент палаток. Но они держатся прочно – сгрудившись, согревая друг друга, с белой надписью «Клуб «...только горы».

Случайная встреча, осколок былого.

Пальцы осторожно ощупывают выступ над головой, сжимаются на нем, подтягивая тело. Нога ступает выше. Он помнит камни, которых коснулся, как влюбленный помнит каждую родинку на теле своей возлюбленной.

Далеко внизу осталась одинокая палатка без надписи – он продал старую, когда уходил, обрывая прежние, почти истлевшие нити.

Он выбрал сам.

Он не испытывал сожаления – все так, как должно.

И люди – угловатые фигурки возле стоянки клуба – бывшие коллеги, бывшие друзья... Бывшие.

Ветер поет в лицо: хватит смотреть назад!

Альп не смотрит. Зачем? Его ждет вершина. Непрístupная, гордая. Прекрасная.

Морозная оторопь отступала, унося с собой краски и звуки, выхваченные из жизни. Превращая все – пики гор, искрящийся снег, людей с обветренными лицами – в старое фото. Выцветшая сепия посреди пустоты.

Спускался Альп слепо. Пошатываясь. Первая ступень, вторая...

На третьей он едва не столкнулся с человеком, спешащим занять свое место у цепи. Резко шагнул в сторону, отводя глаза.

Ни слова. Ни звука.

Можно идти в поисках горизонта... можно не идти. Сесть поодаль, принять позу лотоса...

Мысль высекла усмешку, заставила встряхнуться – и упрямо двинуться прочь. А память в это время исследовала подброшенный снимок под микроскопом, извлекая незаметные сразу детали, прячущиеся на заднем плане.

Он был быстрее, расчетливей. И, что немаловажно, удачливей. Мало-помалу накапливались усталость и раздражение, когда приходилось терять бесценное время, а главное – вмешивать других в свой роман с горами, в свой флирт с опасностью. Когда знаешь, что никто не поддержит тебя – это придает неповторимый вкус каждому глотку воздуха, каждому шагу.

Ничто не могло перевесить этого постоянного биения жизни.

Он знал, всегда знал, что решил правильно. Он ни разу не пожалел о разрыве – потому что каждое восхождение было музыкой. Безграничной, бьющейся в висках неукротимо и жаростно – совсем не так, как этот проклятый таймер. Так почему же сейчас он перебирает мозаику лиц и ощущает на языке вкус пепла?.. Пепла – или ошибки.

Назойливый туман обвивался вокруг щиколоток. Невесомые, бесплотные кандалы не стесняли движений, и Альп снова испытывал их на прочность, на длину, на разрыв, пытаясь приглушить мысли звуком шагов.

Звуки таяли, не успев родиться. Не-жизнь растворяла их в себе.

Мы все блуждающие в ничто острова, родилось у него в голове. Волочащие на себе, в себе маленький замкнутый мир со шлейфом прошлого, истрепанным мглой. Мир, неспособный раскрыться в Большом Взрыве.

Раскрыться...

Заблудившиеся в голове слова почти сложились во что-то осмысленное, но брызнули осколками в разные стороны. Будто испугались колючек протянувшей навстречу лапы елки. А та и сама выглядела растерянной, не понимая, как оказалась здесь, да и где это – здесь. Уже не растущая в лесу, еще не праздничная – лишь одиноко свисал стеклянный шарик с притаившейся внутри метелью.

Одна ветка еще подрагивала – то ли это чудо появилось только что, то ли кто-то прошел мимо минуту или вечность назад.

Теплый аромат хвои щекотал ноздри, делая все вокруг немного другим – чуточку более настоящим. Хотелось впитать этот запах кожей, наполнить легкие, сохранить хоть несколько глотков, чтобы разбавлять ненавистный туман.

Альп постоял немного в раздумье и растянулся на влажной земле.

Над ним мягко покачивался синий инистый шар, верхушка елки расплывалась в мареве.

Сколько он пролежал так, бездумно глядя в серую дымку, спрессованную в подобие неба?..

Щелкнул таймер, напоминая – пора.

Я больше не хочу ничего вспоминать, сказал Альп. Таймеру, пустоте вокруг, самому себе. Я устал, я умер, оставьте меня в покое.

Вьюга, заключенная в шаре, вихрилась льдистыми искрами. Виски пульсировали кипящим металлом.

Невыносимо.

Он лег ничком, накрыл голову руками.

Невыносимо.

Зажал уши ладонями из всех сил.

Невыносимо.

Хорошо. Иду. Иду!

Боль стихла, оставив на память мерное тиканье ходиков.

Когда Альп поднимался, рука задела ветку – но он даже не обернулся. Здесь негде задержаться, здесь существует только путь туда и обратно. Маятником, дешевой детской забавой – йо-йо. Вдаль – в поисках границ, в привычное одиночество, подальше от чужих глаз и хода чужого времени. И обратно к крюку – по зову таймера.

Даже не любимая игрушка – так, одна из.

Ну и ладно.

Привычная уже смена караула – без приветствий и ритуалов. Занять свое место и впустить...

Небольшая квартира еще не обжита. Ничего, дело недолгое. В дальнем углу надо прибить полки для книг и журналов. Шкаф придется сменить, а вот кресло отличное.

Он откидывается на потертую спинку, проводит рукой по подлокотнику. Небрежно кидает на стол часы. Можно нашарить в любой момент – никто не уберет под предлогом, что они не на месте. Родители думают, что Альп переехал, чтобы жить вместе с «этой», как неодобрительно говорит мать. Она не знает, что беспокоиться уже не о чем, все позади. Когда голова перестала кружиться, стало ясно, что многим из привычек и дел придется пожертвовать. Слишком многим.

Альп понимал, что не влезет в распорядок чужой жизни, как негабаритная часть конструктора. Но не желал обламывать лишние детали.

Теперь все будет проще. Без тревожного кудахтанья родителей, без докучливых разговоров, объяснений, вопросов. Теперь его время принадлежит только ему.

Возвращение окунуло в привычный озноб – с головой. Казалось, воздух еще пах пылью и старой кожей, еще угадывались очертания комнаты, оконный проем, трещина в потолке, но холод обвивался петлей вокруг шеи и стягивал, стягивал все сильнее.

Еще немного. Пожалуйста.

Он не убирал рук с отполированного сотнями ладоней металла, словно надеялся, что все это растворится снова, насовсем, вернув его в грубоватый уют холостяцкого жилища. Или – на заснеженный склон Эвереста. Или – хоть куда-нибудь.

Но секундная стрелка, вживленная под кожу, уже отсчитывала новый цикл, раскручивая игрушку на веревочке.

Добавки здесь не давали. А за своей порцией памяти уже шел следующий.

«Пожалуйста, не задерживайте очередь!»

Женский голос с металлическим отливом не раздался на самом деле, он был частичкой какой-то из возвращенных крюком доз памяти, всплывшей на поверхность. Частичкой прошлого, чем бы оно ни было здесь. Даром? Подачкой? Повинностью?

Пожалуйста, не задерживайте...

Освобождая место, он почти отпрыгнул от лысоватого сутулого мужчины и, оказавшись внизу, зашагал прочь от заброшенной невесты откуда удочки. Не обычной неторопливой походкой человека, которому некуда спешить, потому что все время принадлежит ему, а быстрым упругим шагом.

Таймер, значит?

Йо-йо, значит?

Минуты сжимались тугой пружиной. Крепче. Больнее. Чтобы выстрелить, когда придет момент.

Альп рвал туман в клочья, растягивая привязь, которой был скован с цепью, с таймером, с памятью, приходящей волнами. Меридиан пустоты, затянутой дымкой, казался дорогой в избавление.

Долго. Очень долго.

Шаг за шагом, сначала – легкие и свободные, затем – все более натянутые.

Жаром, плавающим височную кость, пришел зов. Время истекло, и крюк, пробивший плоть земли, заявил о своих правах.

Он продолжал двигаться прочь.

От несвободы, от необходимости подлаживаться под навязанный ритм – как делал это всегда.

Как шел на отвесную горную стену.

Какого черта – это не больше, в конце концов, чем обмороженные руки. Не сложнее, чем заставить исправно работать тело, измученное почти суточным подъемом без права расслабиться. А теперь ему еще и нечего опасаться. Есть боль, которой не должно быть, но нельзя сорваться и умереть, потому что смерть и так – вокруг и внутри.

Пару раз он почти терял сознание. Однажды обнаружил себя стоящим на коленях – поднялся и пошел дальше. Спасибо чувству направления, которая въелось под кожу не менее прочно, чем таймер, но гораздо раньше.

Наконец впереди из тумана возникла преграда, и Альп обрадовался. Край?!

Даже боль отступила.

Еще пара шагов, через не могу – и четко обрисовались контуры стенки метра три длиной, чуть выше пояса, с неровно торчавшими обломками кирпичей, будто вырванной взрывом и чудом не рассыпавшейся.

Он присел на камни – не для того, чтобы восстановить давно забытое дыхание. Просто так.

Там у любой горы была вершина. Здесь – всегда оставались лишь безликие рубежи равнины.

Минутная передышка не дала отдыха телу – оно не нуждалось в отдыхе. В отдыхе нуждалась натянутая до предела душа, но кромка обрушенной стены, ставшая его пристанищем, его временным лагерем, его палаткой на перевале, не могла этого дать.

Альп чувствовал себя карпом на крючке. Безветрие сковывало запястья и щиколотки не хуже болота; стальное жало вибрировало под ключицей. Горячая ртуть медленными каплями заполняла его голову.

Тик-так.

На четверть.

На половину.

Мыслей не было – все они утонули в тягучем металле. Он просто знал, что больше не пойдет за леской. Не будет рыбой, пойманной на удочку.

Когда ртуть перехлестнула через край, пришла тишина.

Густая, как туман, и окончательная, как лезвие, перерезающее последнюю струну.

Он некоторое время просто наполнялся ей изнутри, переживая взятый рубеж. Последний?

Альп неторопливо свесил ноги на другую сторону стены и побрел дальше – сперва медленно, потом вновь – четко, быстро, размеренно. Теперь не было таймера, и его личное время более не соотносилось ни с чем, как раньше перестало соотноситься с сутками, сном и голодом – а потому его никак нельзя было сравнить и назвать период долгим или коротким.

Туман не становился ни реже, ни гуще. Иногда встречались люди – как кометы, случайно сблизившие орбиты... Все реже.

Иногда – вещи.

Письменный стол без ножек, парящий над поверхностью; несколько ступеней винтовой стальной лестницы, начинавшейся ниоткуда и обрывавшейся в никуда; кусок лестничной площадки и дверь.

Альпу показалось, что он узнаёт обивку. Сейчас за ней окажется пропитанная его дыханием, его вещами и его привычками комната, знакомое кресло, и без всякого крюка...

Толчок. Дверь скрипнула и закачалась на несмазанных петлях, никак не желая останавливаться. Полтора метра пола, тумбочка для обуви – настолько серые, что сложно сравнить с ключьями памяти и понять, похожи ли. И обрыв, вновь знакомый туман, плоть и кровь этого места.

Он постоял на пороге и развернулся в обратную сторону. Скрип за спиной сразу затих.

Какое странное чувство... Альп не знал, куда идти. Впервые за всю жизнь и не-жизнь, у него не было цели, а привязь – движущую силу, швырявшую его к крюку и обратно – он разорвал сам.

Радуйся. Теперь ты свободен от любых оков.

Дальше Альп шел наугад. Не стремясь, не ища, не уставая – просто тек куда-то, пока зыбкие волны тумана не вынесли его к знакомому берегу.

Ель.

Здесь все так же пахло хвоей и колыхалась потревоженная ветка, и шар, задетый в прошлый раз, летел к земле.

Чтобы взорваться горстью вьюжных осколков, рассыпаться у ног фальшивым снегом. Искрящимся и колким; Альп коснулся его рукой – кожу обожгло холодом.

Потом он сидел, перебирая осколки, не замечая на пальцах порезов, тронутых льдистой крошкой. Кажется, он спал. Во всяком случае, ему снилось...

Огромный шар. Земля, оплетенная сотнями тысяч нитей, канатов, тросов. Подвешенная на цепи – звенья сцепились, как пальцы – она раскачивается, и в этом движении чудится жизнь. Дыхание. Пульс.

Рваный – то спокойный, то лихорадочный, то едва слышный, то оглушающий. Это неритмичное биение встряхивает планету. Она содрогается, словно бы собираясь распасться дольками лишенного кожуры апельсина. Или рвется на волю из оков. Вот она почти выворачивается и, кажется, всё – камень, песок, земля, вода, небо – становится прозрачным, обращается в хрусталь, в стекло. Мерещатся в глубине ненастоящие, но холодные снежинки. И огромный шар вдруг падает с крюка-ветки, уходя в красивый, свободный, последний полет елочной игрушки...

Но в последний миг паутина сети удерживает его – в плену? В объятиях?

Кусок стекла хрустнул в кулаке. Альп разжал пальцы, стряхнул осколки, будто раздробленную скорлупу. И передернулся – так ярко дрогнул перед глазами мир-игрушка, готовый вырваться из оков, чтобы устремиться в пропасть.

Липкая духота обступила со всех сторон, заключила в непроницаемый кокон, и не было ни одной ниточки, протянутой к нему извне.

Вакуумное одиночество.

Такое бывает только у абсолютных неудачников – и полных триумфаторов, попавших под удар *reductio ad absurdum**, несправедливого и безжалостного, но эффективного оружия.

Можно просидеть вечность, и у него есть эта вечность – и больше ничего. Но Альпа никогда не влекла нирвана – в ней нет вершин.

Можно метаться в тумане и ничего не находить, потому что это треклятое место – сплошной молочный океан.

Можно...

Он бросился в одну сторону, в другую... Как гончая, потерявшая след. Когда из мутной дымки вынырнул силуэт другого бродяги, Альп попытался заговорить – от него отшатнулись, как от чумы, и белесые клубы поглотили живой плавучий остров.

И вновь, и вновь.

Он сам не смог бы сказать, чего хотел добиться, что отыскать... Просто что-нибудь отличное от непрозрачной пустоты.

Здесь было только одно такое место.

И даже не казалось унижительным возвращаться туда, откуда так отчаянно рвался, с мясом выдирая из себя упругую привязь.

Сейчас ему хотелось ощутить прорастающие под кожей корни. Хотелось вспомнить еще.

...помутневшие, но не стершиеся лица...

...касание чьих-то рук...

...прерывистое дыхание на щеке...

...голоса, сплетенные в песню...

Хотелось вспомнить – и сохранить в себе эти нити, единственную настоящую ценность здесь. Или – везде?

Он почти бежал и вместо смолкшего таймера слышал, как в груди бьет крыльями проснувшаяся птица. Альп не смог бы назвать ее по имени. Тоска? Надежда? Понимание?...

Три ступени он преодолел прыжком и только тогда осознал, что явился без зова, без права. Без очереди. И человек, занимающий место у крюка, вырванный из своих видений, смотрел на него со смесью безразличия и страха – так, словно Альп совершил что-то неприличное.

– Прости, друг...

Слова рассыпались бессмысленной шелухой; туман сомкнулся за спиной уходящего. Альп не стал его догонять.

Здесь никому не нужно объяснений. Просто птица должна проснуться сама.

Ногти впились в железо, как крючья в еле заметную трещину. Будто, если сейчас сорваться – рухнешь вновь в белесый туман, навсегда. Он пытался выжать видение, но ладони лишь скользили по металлу, который молча смеялся над его усилиями.

Нет, не смеялся – ему просто было не до потерянной и растерянной души.

Цепь уходила вверх, натянутая, как нерв. Как одна из мышц, без которых череп, позвоночник, фаланги пальцев рассыпались бы грудой бесполезных костей.

Чего ты хочешь, человек? Ты уже получил все и опоздал везде. Уйми свою птицу, ей незачем трепетать здесь.

Пропасть раскрылась внутри, и он не дотягивался, и сверху не тянулась ничья рука...

Альп запел. Хрипло, неумело – ведь он и говорить-то отвык, а петь не любил никогда.

То, что смог вырвать, выжать из крупиц памяти. То, что слышал у костра, когда махнули в лес перед последним совместным с ребятами восхождением. Как давно это было... А действительно, *как* давно?

Вопрос без ответа, песня без ответа. Надежда – без ответа.

Потому что оборванные струны не звучат. И все же Альп продолжал выводить припев, который обычно подхватывали хором – и ощутил, как металл под пальцами словно становится теплей, как слегка дрогнуло, почти в такт, ближайшее звено. Схватился за него обеими руками – как будто обнимал друга. Даже крепче – как будто от этих усилий зависело, удержит ли цепь свой титанический груз, гигантский шар планеты.

И ощутил ответные объятия металла, неразрывно прочные. Почувствовал в себе натяжение цепи, где каждый связан со всеми, как бы далеко они ни находились. И земля стала чуточку дальше, как если бы Альп преодолел первый участок стены, на вершине которой – наконец здесь появилась вершина! – ждало, быть может, возвращение.

Тот, кого в свой черед пригнал сюда таймер, с изумлением увидел, как исчезает человек, стоявший у крюка, а гигантская, уходящая в небо цепь сдвигается на одно звено.

---

* доведение до абсурда (лат.)